

Макс
Гордон

Новогодний

ДЖИНН

18+

Макс Гордон

Новогодний джинн

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68459140

SelfPub; 2023

Аннотация

Новогодний корпоратив закончился для среднего менеджера внезапно и непредвиденно. Реки спиртного и громкая музыка, веселые шутки и пьяные танцы коллег, а после танцев на разум Сергея Геннадьевича медленно и печально опустился занавес. Проснулся он на крыше небоскреба, да не один, а в компании джинна, которого, к слову, зовут Антон. Следующие двадцать четыре часа прошли под девизом «Вспомнить Все». С Наступающим!

Макс Гордон

Новогодний джинн

Хороший вы народ, мужики, только облику не теряйте!

(с) Адамыч «Старый Новый Год».

Будь на то воля Сергея Геннадьевича, он бы сидел дома и смотрел телевизор, но являясь по должности средним менеджером руководящего звена, Котаев был обязан сидеть на корпоративе. Раздражало все: от шумных коллег, до неудобного стула, мигающие лампы на потолке били в глаза, а в уши вгрызался прокуренный голос. Новогодние игрушки, песни и хлопушки в нем, – нещадно фальшивил певец со сцены, ему аккомпанировала крепкая женщина на электрогитаре, а рядом с ней – высокий и тощий, похожий на жердь, другой музыкант терзал синтезатор.

Когда припев повторился еще раз, все также безрадостно и фальшиво, худой так вошел в раж, что, тыкая по кнопкам, перегнулся через свой синтезатор. На мгновенье Котаев был уверен, что длинный не удержится и полетит вперед, а концерт закончится сломанной шеей, но каким-то чудом ноги парня прилипли к полу, нарушая закон тяготения. Песня закончилась под громкие и неуместные аккорды электрогитары, женщина-гитарист тоже вставила свои пять копеек, весь

зал оживился и заплодировал, а заместитель главного бухгалтера от восторга подпрыгнул вместе со стулом.

– Давайте поблагодарим наш прекрасный ансамбль Сапфиры и проведем еще один конкурс! – на сцене снова появился ведущий.

В отличии от нечесаных, патлатых музыкантов, приглашенный конферансье выглядел бодрым и свежим, его выступающий из-под ремня живот безукоризненно облежала белоснежная рубашка. На черных брюках видна каждая стрелка, картину портил только накапавший майонез, испачкавший начищенные, лакированные туфли.

– Танец животаААААА! – выкрикнул ведущий, делая ударение на последней букве, начало фразы Сергей Геннадьевич не расслышал. – Ну, так что, дамы и господа, среди вас есть желающие?

Громко топая по полу каблуками, на сцену вылетела раскрасневшаяся женщина, не сразу Котаев узнал в ней хмурую и неразговорчивую Самопалову, кажется из отдела кадров. Из зала послышался дружный смех и одобрительные возгласы, после чего на сцену выскочил невысокий и плешивый заместитель главного бухгалтера.

– Молодец, Василий Андреевич, молодец! – крикнул ему вдогонку первый заместитель начальника предприятия.

Сергей Геннадьевич не смог сдержать стон, глядя на эту шумную и хмельную кампанию, – ну ладно бы еще Самопалова, у нее одна грудь, поди, несколько пудов весит, но чем

савица Самопалова обольстительно улыбалась, и тут Сергей сказал себе, – СТОП!

Корпоративы обычно длились и заканчивались гораздо позже одиннадцати вечера, но Котаев так поздно никогда не засиживался. Как только официальная часть поздравлений от руководства компании была заслушана, он старался подобрать момент – как незамеченным выйти из зала. Сегодня вечером такой момент затянулся позже обычного и наконец измученный ожиданием мужчина смог беспрепятственно выбраться из зала.

Позади него снова заиграл приглашенный оркестр, на этот раз испоганив «кабы не было зимы в городах и селах». Сергей Геннадьевич решительно не представлял, как сыграть эту песню, используя имеющийся набор инструментов, но его пьяные коллеги, судя по всему, были довольны, когда он снимал с вешалки свое зимнее пальто, из зала слышались дружные возгласы.

На улице пошел настоящий зимний снег, падая на дорогу крупными хлопьями, это немного подняло настроение, испорченное корпоративом. – И кому же придёт в голову отмечать праздничный вечер за две недели до Нового Года? – продолжал размышлять Сергей Геннадьевич, смахивая дворниками «хендая» белые хлопья, налетевшие на лобовое стекло. Естественно, все дело было в цене за столик, которая ближе к празднику многократно возвысится...

В голове шумели выпитые рюмки и по холодному сало-

ну непрогретого автомобиля разлетелась прозрачная семья-сорок, хоровод снежинок, танцующих перед запотевшим лобовым стеклом, приобрел очертания фигуры Самопаловой, пляшущей толи лезгинку, толи гопака. Сделалось так весело и одновременно тоскливо, что Сергей Геннадьевич обернулся по сторонам – естественно, магазины были закрыты, ничего не работало в столь поздний час. Вспомнив про початый коньяк в бардачке «хендая», мужчина неуверенно потянулся за ним, после чего картина поблекшего окружающего мира развалилась на части и стала затухать...

...

– Молодец, Василий Андреевич, молодец! И вы, Клара Никитична, молодец! Все молодцы! – прошептал небритый мужчина, просыпаясь и с трудом открыв покрасневшие глаза. К счастью, он не помнил, что ему снилось, сон улетучился прежде, чем воспаленный мозг очнулся и попытался воспринимать и понимать.

– Где я? – произнес Сергей Геннадьевич, до хруста в шее вращая головой по сторонам.

– Кто я? – поддразнил чей-то голос, но больной мужчина отмахнулся от него.

Кто он – он приблизительно помнил, но вот где он – это вопрос следовало прояснить. Вокруг невысокие кирпичные стены и одинокая лампочка, горящая под потолком. Ни что это за место, ни как он тут оказался, Сергей Геннадьевич совершенно не понимал.

– Что я здесь делаю? – попытался выговорить средний менеджер, но онемевший язык не повиновался ему, – что я? – вырвалось из сухого горла, вместе с кашлем, и последовал стон.

– Ты хотел сказать – где я? – раздался справа насмешливый тон.

Котаев повернулся в правую сторону и предпринял попытку сфокусировать взгляд. Получилось не очень, вернее сказать – совсем не получилось, оба глаза жили и функционировали сами по себе, передавая в мозг различную информацию, которую последний оказался не в состоянии удержать и понять. Решив немного упростить информацию, Сергей Геннадьевич прикрыл левый глаз.

Напротив него, скрестив по-турецки пухлые ноги и уперев колени в массивный живот, сидел мужчина с непомерно большой, лопухой головой. На незнакомце были шорты и гавайская рубашка, сквозь которую проступала волосатая грудь. С головы, украшенной рыжими кудрями, за Сергеем Геннадьевичем внимательно наблюдали глаза, излучавшие одновременно веселье и безумие, от этого взгляда становилось не по себе.

В лопухом все было неправильно, начиная от большой и круглой головы, сидящей на коротенькой, толстой шее, переходящей в широкий и мощный торс. У Котаева сложилось такое впечатление, что сидящий напротив не человек, а карикатурный пупс – нелепая пародия на живого мужчину, но

пупс улыбался, не отводя участливых глаз.

– Проснулся, Сережа? – спросил рыжий иронично-вежливо, от чего его улыбка сделалась шире, а уголки губ почти коснулись торчащих ушей.

– Угу, – Кивнул ему менеджер, не уверенный до конца, что это не сон.

В голове Сергея Геннадьевич в это время пролистывалась картотека, пытаясь вспомнить и опознать. Не обнаружив ни единого внешнего сходства, Котаев не выдержал и спросил, – Кто ты?

– А ты не помнишь? – в ответ спросил рыжий, но, вместо обиды, его глаза выражали восторг. Дождавшись отрицательного жеста от Сергея Геннадьевича, от которого у последнего закружилась голова, лопухий прищурился и весело выкрикнул, – ну, допустим, что меня назвали – Антон.

Никакой ясности это имя не прибавило и Котаев удрученно уставился в пол. Болело все – от головы до поясницы, согнутые в коленях ноги онемели и затекли, но хуже всего приходилось заднице, в которую, по ощущениям, воткнули металлический кол, – наверное она онемела от холода, – подумал мужчина, ощупывая холодный пол.

Когда его ладонь коснулась шершавой поверхности бетонного пола, на левом запястье блеснули часы. Рука ощутила приятную и надежную тяжесть, а перед воспаленными глазами заплясал дорогой стрелочный циферблат. Такие часы Котаев видел у своего начальника и откровенно завидовал

им. В голове у Сергея Геннадьевича закрутились тревожные мысли, – откуда они у меня, неужели украл?

Со вчерашнего вечера он запомнил не многое, да и оставшиеся воспоминания неумолимо растворялись в мозгу, как только тот пытался вытянуть их на поверхность. Припоминалась музыка и какой-то оркестр, но ничего конкретнее он вспомнить не мог. Попробовав сконцентрировать свою память на музыке, Котаев начал кое-что вспоминать – перед мысленным взором всплыла Самопалова с удавом на шее и гитарой в руках. Зажмурившись, Сергей Геннадьевич ясно увидел, как пухлые пальцы коснулись струны, отчего голова змея лениво оторвалась от женской груди и стала похожа на Василия Андреевича, качавшего маленькой, лысой головой.

– Где я? – прохрипел Котаев, отбросив тщетные попытки припомнить хоть что-нибудь.

– Технический этаж, Меркурий-сити, – радостно улыбаясь, ответил Антон.

– Технический этаж, – озадаченно повторил Котаев, – лом мне в задницу, а как я сюда попал?

– Вчера ты изъявил такое желание: лом мне в задницу, хочу на небоскреб! – хитро прищурившись, ответил Антон, умело спародировав его тон.

И что? – опешил Сергей Геннадьевич.

– И вот мы здесь! – торжественно и с ехидством произнес рыжий.

К сказанному он больше ничего не прибавил, но в ответе

угадывался еле-слышный намек. Предчувствие беды закралось в душу к разомлевшему Котаеву и перенеся свой вес на правую ягодицу, он принялся осторожно ощупывать измученный зад. На левом запястье снова блеснули дорогие часы, но Сергея Геннадьевича сейчас тревожил иной вопрос – между двух половин упитанной задницы торчал неуместный инородный предмет. Холодный, твердый и удивительно толстый, – неужели это действительно лом? – такая мысль, подобно молнии, пробежав по позвоночнику, пронзила мозг.

Улыбка рыжего сделалась шире, отблески лампы заплясали в глазах. Видя, что Антон открыл рот, чтобы подтвердить его опасения, Котаев сделал предостерегающий жест рукой, – не хочу знать, что это такое, просто убери его на хрен, будь так добр! Нет-нет, не нужно на хрен, просто убери, – добавил он.

Рыжий щелкнул пальцами, отчего по тесному пустому пространству прокатилось эхо пистолетного выстрела и на секунду погас свет, а когда лампочка под потолком снова загорелась, Сергей Геннадьевич с облегчением почувствовал, что заднее технологическое отверстие снова способно жить и дышать. Решив не уточнять, каким чудом это случилось, менеджер показал Антону наручные часы, – а это как ко мне попало?

– А что ты помнишь со вчерашнего вечера? – вопросом на вопрос ответил Антон.

Мозг Котаева снова заработал на полную мощность, в

этом, конечно, было грешно признаваться, но факт был, что называется, на лицо – как только его задница освободилась от лома, голова тут же начала вспоминать. Вспоминалось не многое, события минувшего вечера по-прежнему окутывал плотный туман, но некоторые детали из этого тумана уже начинали понемногу проступать. Кажется, после корпоратива он все-таки куда-то ехал, на заднем плане зрительной памяти всплывали неясные образы домов и прохожих, кажется кому-то из них он сигналил, а после этого долго и с удовольствием материл.

Неожиданно и ярко в памяти появилось виденье одинокого дерева, в которое, в конечном счете, и уперся капот его дорожного заграничного автомобиля, – сосна! – вспомнил Сергей Геннадьевич, кажется, вчера после корпоратива я нечаянно оказался в лесу!

– Да не переживай ты так, Сережа, – участливо, но все с той же ехидной улыбкой, проворковал Антон, – от вчерашней сосны, в которую ты с пьяной лавочки въехал, одно название, да и то зря. От сосны на том столбу одни ветки были, да и дело было совсем не в лесу.

– На каком столбу? – не понял Серега, – при чем тут дурацкий столб?

– Пусть дурацкий, – Антон с минуту подумал, – но столб тут действительно не при чем.

Поняв, что его водят за нос, Котаев закрыл глаза и обреченно вздохнул. После столкновения со злосчастным де-

ревом, его мысли снова окутал туман, – сейчас бы пожрать чего, – подумал он удрученно, чувствуя, как под дубленкой нещадно урчит живот.

– Чего изволите? – тут же оживился Антон.

Сергей Геннадьевич с трудом приоткрыл левый глаз, чтобы еще раз посмотреть в эту наглую рыжую морду, но сдержал эмоции, вместо этого ответил, – ну пиццу буду, есть у тебя?

Рыжий щелкнул пальцами быстро и ловко, в тот же миг коробка с пиццей свалилась сверху, и оказалась прямо у него в руках, – ты не уточнил какую и я выбрал с сыром, – расплываясь в улыбке, промурлыкал Антон.

На вкус пицца казалось горячей и свежей, как будто ее только что извлекли из печи. Сергей Геннадьевич, поедая пиццу, решился озвучить интимный вопрос, – кто ты такой? – спросил он, обращаясь к Антону и тут же добавил, – ты понимаешь, что я имею в виду.

– Понимаю, – кивнул рыжий, – ну допустим, что я джинн.

Котаев жевал пиццу и думал, что последнее могло бы за просто все объяснить: и непонятное пробуждение в тесной комнате и эта пицца, которую он сейчас ест. – Все, да не все, – шепнул ехидный внутренний голос, – никаких джиннов в природе нет...

– А вот и есть! – вмешался рыжий в его размышления, – хотя, можешь не верить, тут дело твое.

– Так что за дерево-то вчера было? – Котаев не дал воз-

возможности втянуть себя в спор.

– Красивое, новогоднее, – ехидная улыбка вновь заиграла на губах у Антона, – смотри, – щелкнув пальцами, добавил он.

И Сергей Геннадьевич натурально увидел, как будто кинофильм ожил у него на глазах. В этом фильме он был, как бы зритель, и одновременно играл в нем главную роль. Вот он крутит стартер, заводя уже работающий, прогретый двигатель, пока под капотом не начинает протестующе трещать, включает первую передачу и трогается с места, но при этом, почему-то, смотрит назад. Машина срывается с места и бьет припаркованный новенький Лексус, оставляя на бампере внушительный след. Сегодняшний Серега внутренне съежился, признав в лексусе машину начальника, но вчерашний Сергей Геннадьевич на это плевал. Вдавлив клаксон, до оглушительного рева, он долго сигналил пустой машине, затем, еще раз въехав в дорожную иномарку, он все-таки догадался сдать назад, зацепив при этом соседнюю машину и отделив от нее бампер, помчался вперед.

На углу Театральной он с трудом разминулся с вечерним прохожим, вернее, последний успел выпрыгнуть у него из-под колес. Доехав до Циолковского, он в последний момент принял решение и повернул направо, направляясь к площади Ленина, но не рассчитав траекторию поворота, чуть не вписался в угол жилого пятиэтажного здания и снова долго давил на клаксон. Здание в итоге осталось на месте, а Кота-

ев, выкрутив до упора руль, сумел повернуть и проскочить мимо дома, зацепив при этом колесом о бордюр. Дальше побежали узкие дворы и неосвещенные улочки, видимо, включился автопилот, объезжая центр города и возможных гаишников, а вот дальше пошел настоящий трэш...

Сегодняшний Серега уже начал расслабляться, думая, что все его злоключения остались далеко позади, но вчерашний Сергей Геннадьевич был с ним категорически не согласен. Вопреки логике и здравому смыслу, бежевая иномарка, на полной скорости проскочив последний пустой двор, свернула не налево, на тихую улицу, и даже не прямо – в спальный район, а повернуло направо к площади Ленина и не сбавляя скорости въехала на нее. Впереди завиднелись мигающие огни и высокое дерево, – ну теперь понятно, что это за ель! Котаев попытался закрыть глаза и не видеть видения, но оно продолжалось, независимо от него.

Машина поехала прямо, направляясь к дереву и на приличной скорости въехало в него. Чудо состояло в том, что в столь поздний час никого из прохожих поблизости не оказалось, но радоваться Серега пока не спешил. Рядом находится торговый центр и городская администрация, а это означает, что камер видеонаблюдения в этом месте, хоть отбавляй. Еще оставалась слабая надежда, что камеры не зафиксируют грязный номер, особенно в свете фар, но и эта надежда рухнула безвозвратно, когда средний менеджер досмотрел этот фильм до конца...

С трудом избавившись от подушки безопасности, беспечный водитель, которым, вне всяких сомнений, был не кто-то, а именно Сергей, покинул место своего управления и шатаясь побрел к новогодней елке, чтобы сорвать с последней разноцветный светящийся шар. Холодея от ужаса и до дрожи в коленях, Сергей Геннадьевич смотрел на себя: вот он, довольный и пьяный, стоит истуканом, рассматривая шар, затем, опустив в карман добычу, нетвердой походкой направляется вдаль, на месте преступления оставив машину, и портфель с документами, лежащий в ней.

– Да что б мне! – начинал лепетать Серега, но к счастью вовремя прикусил язык, – да что б мне забрать в гараж свою машину, – взвесив слова, заканчивает он.

– Уже в гараже, – щелкнув пальцами, сообщает Антон, – а теперь, если пожелаешь, я тебя внизу спущу?

– Не желаю! – единым выдохом произнес Сергей, – веди к лифту, по-человечески поедем, – закончил он, представив свое тело, распластавшееся на земле.

Лифт приехал минут через десять, мелодичный женский голос из настенного динамика, с легкой хрипотцой возвестил о его прибытии. В ярко освещенной кабине лифта пахло дезинфекцией и дезодорантом, огромное, натертое до блеска настенное зеркало высветило небритую фигуру одинокого мужчины в дорогой, но грязной дубленке и мятых, забрызганных штанах. Под красными глазами у небритого мужика виднелись темные круги минувшей ночи, не сразу Сергей

Геннадьевич признал в нем себя. А вот отражение Антона рядом с ним видно не было, хотя он по-прежнему стоял в кабине, по соседству с ним.

– Ага, только ты можешь меня видеть и слышать мой голос, до боя курантов я непосредственно твой джинн!

В голове у Котаева витала куча незадаанных вопросов, но в этот момент лифт плавно остановился на двадцать пятом этаже, и снова раздался мелодичный голос, от которого мужчине захотелось отлить. Звонко шаркая ботинками по блестящему полу, в лифт под ручку вошла пожилая супружеская чета, дверь закрылась и лифт снова набрал скорость, но на двадцать третьем он остановился и снова открыл дверь. На этот раз в лифт вошла модная мамаша с дочкой-подростком. Судя по спортивной одежде, обе направлялись в фитнес-центр, который, как знал Сергей Геннадьевич, находился в этом здании на цокольном этаже.

– Осторожно, двери закрываются, – протянул женский голос, и вот тут очередной спазм скрутил своей хваткой несчастный мочевой пузырь. Слегка переминаясь с ноги на ногу, но так, чтобы это не сильно бросалось в глаза, Сергей Геннадьевич постарался расслабиться и по возможности ослабить ремень. Когда его пальцы не без труда справились с пряжкой и передвинули ремень на три деленья, позади него раздался душераздирающий, оглушительный рев. По звуку, тональности и контральто, этот рев напоминал охот-

ника, оповещающего лес о своем прибытии – трубящего в огромный, изогнутый рог.

Кабина лифта вздрогнула и затряслась, пожилая чета, разъединив руки, закрыла одновременно и нос, и рот. Ах ты ж, что б меня! – вздохнул обомлевший мужчина, когда к нему пришло понимание, что этот звук издал непосредственно он, – да что б меня, – повторил он и уже почти в голос, когда понял, каким местом он издал этот оглушительный рев.

– Проклятая пицца, съеденная на сухую, а главное – нарушивший герметичность лом, – подумал Котаев, наблюдая, как молодая мамаша, в облегающем задницу сексуальном трико, закрывает глаза своей юной дочке, – да не глаза, дура, нос закрывай, – сгорая от стыда мыслил Серега, слыша, как рядом, не скрывая эмоций, хохочет Антон.

Когда злосчастная кабина лифта благополучно довезла пассажиров до первого этажа, менеджер среднего звена ощущал себя человеком, лишенным невинности, а заодно и достоинства. Увидев на стене указатель с аббревиатурой WC, Сергей повернул туда и перешел на бег, судя по нестерпимой пульсации, исходящей от низа живота, до беды было уже рукой подать.

Внутри туалета оказалось на удивлениелюдно, и это в столь ранний час. Пробираясь к писуару, Котаев рывком растегнул молнию и с наслаждением дал волю струе. Организм вновь расслабился, а вместе с ним расслабился и сфинктер, и позади снова протрубил боевой рог.

– Глядите, мужики, а этому фраеру дымоход-то прочистили, – заржал бритый наголо здоровяк, отливающий нужду в двух шагах от него.

Посетители засмеялись, шутка дня удалась.

– Хорош смешить, мужики, сейчас обоссусь! – высокий, но худой хлыщ с усами и бейджиком на груди, гласящем, – бармен, пробирался к писуару, расталкивая всех локтями.

– Да что б тебе яичко молнией защемить, – подумал Сергей Геннадьевич, косясь на бритого детину, которому он едва доходил головой до плеча. В этот миг к боевому рогу присоединилось контрольто, покраснев, лысый взял самую чистую ноту «м-Ля».

– Сволочи! – выкрикнул бармен, давясь от хохота, на его безукоризненных черных брюках расплывалось влажное пятно.

Выходя на улицу, Котаев не останавливался, уверенный, что рядом с ним шагает Антон, – до боя курантов еще две недели, а значит, нужно крайне осторожно молотить языком...

...

С наслаждением откинувшись на спинку сиденья в уютном такси, Сергей Геннадьевич отдал себя на волю случая. Домой ехать желания не возникало, а иной маршрут он не успел придумать, такси подъехало моментально, как только пальцы рыжего издали привычный и громкий щелчок, – в аэропорт, – распорядился Котаев, ожидая что, попутчик оплатит проезд за него.

По салону разлилась мелодичная музыка, в колонках магнитола играл старый, добрый джаз. Молодая девушка, хрупкая и невинная, пела песню на незнакомом языке. Ни о чем эта песня, ни о чем в ней поется, Сергей Геннадьевич совершенно не понимал, но заслышав этот чистый и нежный голос, ему захотелось очутиться рядом с певицей, ласкавшей слух своим хриловато-нежным тенором, – доставь меня к ней, – распорядился Котаев, обращаясь к Антону, и решив не скромничать, добавил, – хочу, чтобы у нас с ней секс был! Таксист покосился в зеркало заднего вида, но Сергей Геннадьевич уже растворялся и исчезал...

Закрыв глаза, он предавался нежной истоме, чувствуя, как его тело осторожно и бережно положили в постель, а под ним лежит обнаженная певица, и ее нежные руки блуждают по его волосатой, немойтой спине. Все было здорово и волшебно до того момента, пока менеджер не открыл глаза. Она была черная и очень старая, – да лом мне в задницу! – сжимая ягодицы, возмущенно вскрикнул Сергей. Рядом послышался довольный хохот Антона, участливо интересующегося, – ну, что, Сереженька, засадил?

Когда задний проход снова оказался свободен, Сергей Геннадьевич понял, какое желание надлежит загадать, – доставь меня обратно в мой город, да в приличный бар. И чтобы до Нового Года оставалось несколько минут!

– Слушаю и повинуюсь, – ответил рыжий, после чего стены комнаты начали вращаться, а следом разомкнулись и ру-

ки нимфы, до последнего момента не желавшие выпускать Котаева из своих жарких и цепких объятий.

...

Все было исполнено в лучшем виде. Приличный бар с дорогим убранством, накрытый столик на него одного, – здорово, – подумал Сергей Геннадьевич, усаживаясь в кресло и поднимая бокал. Настенные часы показывали без одной минуты двенадцать, многочисленные посетители наполнили бокалы и затаив дыхание принялись ждать.

– С новым годом, мужики, с Новым Годом! – опрятный гражданин первым вскочил со стула и опрокинул бокал, следом присоединились и другие посетители заведения, поздравляя друг друга и выкрикивая пожелания.

– С Новым Годом, мужики! – присоединился к ним Сергей Геннадьевич, поднимаясь с места и добавил свой тост, – свобода, мужики, лом мне в задницу!

– Да погодите, ребята, часы спешат! До Нового Года еще две минуты, – обратился к посетителям вошедший бармен.

Котаев не понял, какой из звуков услышал раньше – смех Антона или громкий щелчок, но осязаемо ощутил, до боли и ярости, как между ягодицами появился твердый инородный предмет...

На каждого орущего начальника

Есть свой дед Куалык

Нахрапов Василий Адамович, сын израилев, слыл человеком вспльчивым и недалеким, что, в общем-то, не меша-

ло ему, вот уже десять лет к ряду, занимать должность начальника участка в крупном строительном тресте. И никакого секрета рядом тут не было, просто этот невысокий, но пузатый мужчина владел золотым законом мелкого управленца: «к начальству подлижись, с подчиненным – наори», таких заместителей начальники любят, таких начальничков вышестоящие уважают.

Орал он всегда и сразу, по поводу и без оного, тут тоже крылось золотое правило, – «чем чаще орешь, тем меньше пристают с вопросами», да и по вопросу повышения премии лишний раз не заикнуться, что в целом, так же устраивало вышестоящее руководство, – «повышать зарплату любой дурак может, а ты попробуй грамотных специалистов за просто так работать заставить».

В это утро июльского четверга Василий Адамович на работу пришел рано, собственно, в этом плане раннее утро от других дней недели ничуть не отличалось, и сразу же наорал на подчиненного. Какой-то морщинистый, загорелый старик подметал двор у открытых ворот, ведущих на стройку.

– Тебя подметать обезьяна научила? – набросился он на несчастного дворника, – ты как метлу держишь, паскуда?

– Зачем шумишь, начальника, посмотри, какой двор чистый?

– Чистый, как твоя задница? – не сбавляя голоса взмокнувший начальник, – так ты тогда, либо ее прочисть, либо уши

свои вымой, сказано тебе – грязно, значит засунь язык себе в зад и, давай, лучше мети!

– Эй, слушай, зачем у тебя такой поганый язык? – укоризненно спросил старый дворник.

Василий Адамович хотел выкрикнуть какое-то оскорбление, но с языка сорвалось, – «иди, учи географию!», – впрочем шутка получилась смешная. Вся начальственная свита, которая повсеместно сопровождала Нахрапова, неподдельно смеялась, поглядывая на пожилого оплётанного дворника, старик укоризненно качал головой, говоря что-то неразборчивое.

Работать в кабинете было комфортно, целых два кондиционера охлаждали настрой пылкого руководителя, впрочем, без особенного успеха. Нет, Вася в детстве был славным мальчуганом, но руководящая должность, таки, сотворила с ним неповторимые перемены, Василий Адамович стал «лицом, недовольным по жизни». В дверь кратко постучали и недождавшись ответа, на пороге появилось испуганное лицо секретарши Софьи Ивановны:

– Василий Адамович, уделите мне минутку? – краснея и заикаясь пролепетала молоденькая секретарша.

Нахрапов не удостоил девушку ответом. В общем-то, если зреть в корень, Василий Адамович мыслил рационально, – «в рабочее время здесь нет ни мужчин, ни женщин, на рабочем месте находятся подчиненные», а на подчиненных нужно орать, иначе они работать не будут, – последнее все-

гда всплывало перед глазами товарища Нахрапова, подобно пресловутой красной материи. Только вот, орать на Софью Ивановну пока было не за что, и Вася решил повременить с этим делом.

– Василий Адамович, у меня к вам просьба, – видя, что руководитель, как всегда, к беседе не расположен, секретарша попыталась выдохнуть свою просьбу, – Василий Адамович, ну пожалуйста, я же вам служебную записку писала, отпустите меня на две недели в счет отпуска! Видите ли, муж достал путевку, и мы с детьми очень хотели бы съездить на море, а у меня отпуск, как всегда, в ноябре... Ну Василий Адамович, ну войдите в положение...

Нахрапов мысленно похвалил себя за терпение, теперь повод наорать у него был и находился он сейчас прямо перед разъяренным начальником.

– Тебе что, дорогуша, заняться не чем? Ну ничего, я сейчас найду тебе работу! А не хочешь работать, так проваливай отсюда на все четыре стороны, поняла – нет? Ворота открыты, и я здесь никого держать не стану! – Нахрапов попытался вспомнить имя –отчество секретарши, хотя бы первое, но решил ограничиться банальной «дорогуша», по его глубочайшему убеждению, подкрепленному многолетней руководящей должностью, большего его секретарша, как и все прочие работники данного аппарата, не заслуживала.

– Ну Василий Адамович, ну пожалуйста, у нас же путевки, – роняя с ресниц крупные капли, пролепетала бледная

секретарша.

– Я вам не отец родной, ты меня поняла, ДОРОГУША? График отпусков уже давно составлен и утвержден, и я из-за каких-то там плаксивых девок ничего в графике менять не собираюсь!

Видя, что секретарша вот-вот разревется, Василий Адамович впал в экстаз, слезы подчиненных вводили его в неистовое блаженство, нужно было как-то добить несчастную и руководитель подбирал нужные слова. Нужного эффекта он все-таки добился, но таких слов говорить не планировал. Были, были в его жаргоне и «почище» словечки, да чего-там, этот начальник легко и непринужденно мог часами изъясняться, используя целый язык из нелитературных слов и выражений, но слова, слетевшие с его языка, на секунду его озадачили:

– Хочешь денег – обмусоль!

Рыдающая Софья, он наконец вспомнил как зовут его секретаршу, размазывая по лицу помаду и тушь, убралась восвояси, – «что это со мной сейчас приключилось? Видимо, это все последствия жары», – успел подумать Василий Адамович, но тут же выкинул мысль из головы. В общем и целом, ничего страшного сейчас не случилось, – не в первой ему оскорблять подчиненных, а уж если не орать на них – за что тогда ему такие деньги платят? И Вася, откинув лишние сомнения, углубился в сметы и отчеты, в таких делах пролетел день, почти до обеда. у

Народу на остановке было прилично, не смотря на жару и начало июля, – «да что ж они все на курорты-то не поехали? Все жмутся, жмутся, как свиньи к кормушке! Небось, начальство не отпускает, как я вчера эту, как ее... Дорогушу! Ну а как вы хотели? Денег нет – сидите дома! А еще лучше – денег нет – пешком ходите», – последнее показалось Василию Адамовичу весьма умным и уместным в то утро, и действительно, – разве можно лицо начальственное с простым смертным в один автобус запихивать?

Запихиваться в автобус ему, все-же, пришлось. На правах простых смертных. Места никто не уступит, пролезть без очереди народ не позволит, в последнем Вася наглядно убедился. Не помогли матюки и начальственный бас, дорогой портфель и дизайнерский галстук, также в расчёт не брались.

– «Куды, барбос-эдакий, без очереди полез? Щас тебе рога поотшпыбаю!» – ругалась на Васю дородная пенсионерка.

Василий обернулся, чтобы сказать старушке пару ласковых, но в этот момент его глаза встретились со взглядами иных простолюдинов, стоящих в очереди, и Вася понял, – «могут и рога обломать, ума и сил у них хватит!» Не справедливо, но ничего не попишешь, пришлось в то утро стоять в очереди.

В душном автобусе дышать было нечем, да еще и народ облепил Васю со всех сторон, – «ах вы ж бараны бестолковые, не иначе, как, нарочно жметесь, норовите своими грязными рубахами мой костюм испачкать, да лаптями мне

туфли оттоптать. Ничего, я возьмусь за вас, что б вам пусто было!» – эти мысли легко читались у Василия Адамовича в глазах, его счастье, что вежливые и интеллигентные пассажиры в чужие глаза не заглядывали.

На перекрестке застыла пробка, Вадим-водитель, объехал бы ее по обочине, разогнав сигналом клаксона «обозревших прохожих», бредущих по тротуару, но водитель автобуса ехал по светофору. Посмотрев на часы, Вася понял, что на совещание опоздать – риск увеличился, он хотел крикнуть водителю-пенсионеру, что ему только кобыл водить, но вместо этого, Вася запел:

– Вечерний звон, бом-бом, Вечерний звон, бом-бом! Как много дум, – твою же мать, – успел вставить Вася в свое песнопение, поняв, что поет вслух, да не просто так, а в голос – на весь автобус и закончил мотив, – приносит он, бом-бом!

Сдавленные смешки и косые взгляды укутали Васеньку со всех сторон, потом автобус просто разорвался от хохота, смеялся, даже, водитель, пересекая злосчастный перекресток, в веренице автобусов.

– «Конфуз! Какой конфуз!», – краснея до ушей, подумал Нахрапов, но на этот раз, исключительно – про себя.

– Ты сделал мой день, дядя! – с нагло ухмыляясь и рассматривая Васин портфель, сказал на выходе какой-то юнец, лет пятнадцати, с белыми волосами.

На этом конфуз был окончен.

На работе Василий Адамович вновь почувствовал се-

бя человеком: с ним здоровались, кланялись и заискивающе улыбались, а глаза «дорогуши» до сих пор не высохли от слез, – «так тебе, будешь знать, как просить в счет отпуска!», – злорадно подумал Нахрапов и решительно отбросил все тяготы и неудобства, оставленные этим утром. Но первый заместитель начальника Треста покосился на него, мягко говоря, – не добро, – «или за опоздание злиться, или эта грудастая про разговор ему рассказала», – подумал Василий Адамович и впал в беспокойство.

Нужно было как-то приструнить свой язык, как раньше, – «на подчиненных – ори, с начальством – подлизывайся!» и Нахрапов решил вечером обо всем случившемся трезво пораздумать, а тут еще и этот дворник-Куалык уволился, возле въездных ворот валялся мусор.

Чтобы трезво рассудить – нужно, сперва, здорово выпить, так здраво рассудил Василий Адамович, и свернул на перекрестке в сторону ближайшего супермаркета. За рулем сидел он, захватив из гаража служебную иномарку. «Хорошо, не жарко, по ногам никто не топчется», – думал Нахрапов, с удовольствием сигнала зазевавшимся пешеходам, – «куда прешь, животное? Не видишь, что ли, я еду!».

В супермаркете народу было не мало и в очереди на кассе пришлось постоять. Для трезвых раздумий Нахрапов решил взять сразу две бутылки, а заодно и закуску из крабов и огурцов. «Медленно, как медленно ползет очередь!», – размышлял Василий Адамович, прикидывая, что такими тем-

пами стоять ему еще минут двадцать. От нечего делать он стал смотреть по сторонам. Слева от него две юных девицы выбирали в коротеньких платьях колу и прочие напитки, – «молодежь!», – подумал Нахрапов, проводя маслянистыми глазками по загорелым коленкам вчерашних школьниц, – «молодежь, понимаешь! Жизни не знают! Мужиков не видали! Эх мне б сейчас их...», – одна из школьниц поймала взгляд на своих ягодицах и скорчила Нахрапову ехидную рожицу, – «молодёжь, понимаешь!». Позади него стоял здоровенный детина в куртке байкера, открывающей цветные наколки на загорелых бицепсах, внушительного размера. Росту в байкере было метра под два, как показалось товарищу Нахрапову, а такими ручищами можно было запросто менять без домкрата колесо на его внедорожнике. Байкер встретился с ним глазами, но без злобы, посмотрел – как на пустое место. И в тот момент, когда вежливость и простой здравый смысл требовали от Нахрапова перестать пялиться на здоровяка в мотоциклетной куртке, язык опять подвел его. Мужчины на секунду встретились глазами, дальнейшие события удивили обоих джентльменов.

– Ух и здоров же ты, скотина! Да я ж тебя сзади имел! – сказал Адамыч и мысленно охнул.

– Чего-чего? – насупился байкер.

Хвала проведению, наделившему Нахрапова умом и смекалкой, – «не зря же он десять лет в начальниках прожил?» – пока здоровяк водил взад-вперед квадратным под-

бородком, Вася, оставив на кассе неоплаченные товары, вместе с достоинством и авторитетом, что есть мочи, припустил бежать к выходу, приподняв руками солидный живот, чтобы на ходу не бил по коленкам.

– А ну стой, гнида, повтори еще раз! – смысл сказанного до здоровяка дошел лишь тогда, когда за Васей закрывались автоматические стеклянные двери супермаркета.

За спиной послышалось тяжелое топанье башмаков, подбитых набойками, на ходу байкер пыхтел как паровоз, – «догонит – сомнет!», – понял Нахрапов и припустил в сторону пункта полиции, расположенного в непосредственной близости от торгового супермаркета.

Петляя между многочисленных рядов припаркованных машин, Василий Адамович выжимал из себя последние силы, бежать было нужно, бежать было жизненно необходимо. Стоит ли удивляться, что, открывая дверь милицейской будки, товарищ Нахрапов весь взмок и запыхался. Он хотел изъясниться с полицией жестами, потребовав от двух дежуривших полицейских немедленно уgomонить наглого здоровяка, но и тут его язык говорил и действовал по собственному усмотрению.

– Волыны на пол, это ограбление! – изрек Василий и волосы его встали дыбом, – «позвольте, что же я творю, что делаю?».

Ситуацию еще можно было взять под контроль, если бы не поганый язык Василия Адамовича, который действовал

быстрее хозяина:

– Руки в гору, завалю обоих! По лицам дежуривших полицейских было видно, что подобное обращение для них, несколько, необычно, но что такое ограбление, видимо, они уже знали. Патрульные нерешительно переглянулись и нерешительно застыли, увидев, что в руках у Василия ничего нет.

Уж как он хотел извиниться, у Васи из глаз брызнули слезы, – «как Дорогуша, ни дать – ни взять», – но что же бедняга в тот момент мог поделать?

– Граната в кармане! Взорву сейчас обоих! К такой-то матери! – Говорил Нахрапов и плакал.

В полицейском участке его заверили, что синяк под глазом и два выбитых зуба, – меньшее из бед при попытке нападения на блюстителей порядка, но прибывший на место адвокат в строгом деловом костюме утверждал обратное, – вы, Василий Адамович, персона важная и значительная, а посему, и обращаться к вам нужно, соответственно, с уважением и по чину! Услышав привычное обожание в чужом голосе, касаясь собственной персоны, Нахрапов воспарил и взбодрился, – теперь-то дела наладятся, при таком адвокате. Главное дело – приструнить свой язык, чтобы дров не наломать, виданное ли это дело, чтобы угрожать полиции?

Но приструнить своя язык у Васи не вышло, его языком теперь можно было, разве что, дрова колоть, – держите себя в руках, уважаемый, все отрицайте и ничего не подписывайте, во всяком разе – без моего ведома, – страшал Василия

Адамовича дородный адвокат с хитрыми глазками, – ничего, и не такие дела выигрывали! И Нахрапов старался, старался, что есть мочи, но одними стараниями проблемы-то не решаются...

«Увидел вас и все бывшее», – заиграл в голове у Василия разухабистый мотив, и он уже догадывался, что беда не подоплёку.

– Примите, пожалуйста, ваш комплект документов, – молодая, стройная девушка, приветливо улыбаясь, протянула товарищу Нахрапову копию документов, – «видимо тут изложено то, в чем, собственно, меня обвиняют», – подумал Адамыч и, вопреки его воле, глаза опустились на пышный бюст секретарши.

-«Бывает же такое – сама стройная, а грудь ого-го!», – подумал Василий Адамович и услышал голос собственного языка, обращавшегося, по всей видимости, все к той-же секретарше, – обнажи сиськи, животное!

Суд кончился еще, не начавшись..., – «в какой стране мы живема», – размышлял Нахрапов, трясущийся в перевозке, – «пять лет за оскорбление личности»! но все слова были сказаны, после чего, как гром, среди ясного неба, по столешнице громыхнул деревянный молоток и с этого молотка, Василий Адамович пошел по этапу.

Новая одежда казалась несколько тесноватой и пропахла клопами, этот приторно-кислый запах заползал в ноздри, путаясь в мыслях, такое, даже, нафталин не исправит, – «не

к добру это, ох не к добру», – размышлял испуганный Вася, когда его вели коридором в общую камеру под номером тринадцать, – «я только поздороваюсь, и стану молчать!», – да не тут-то было...

Два десятка любопытных глаз уставились на вошедшего сразу и не стесняясь, – «ждут чего-то», – подумал Нахрапов, – «а чего они ждут? Точно – поздороваться нужно!». Его наметанный глаз начальника отыскал среди заключенных самого значимого и солидного, судя по многочисленным татуировкам, сидел он давно и надежно, – «своего рода, тоже руководитель!», – подумал Адамыч и поприветствовал нового соседа.

Беда в том, что язык более Васеньке уже не принадлежал и, вместо задуманного: «здравствуйте уважаемый», Нахрапов выдал, – «у тебя и на заднице наколки имеются?». О том, что в ту ночь приключилось с Василием, бывший начальник старался не вспоминать.

Но не все плохо, что кажется – Василия Адамовича полюбили и приняли, да не просто так, а таким – коков есть. Не обошлось, конечно, даже тут без нюансов – о занимаемой в прошлом должности, товарищ Нахрапов более не вспоминал, как забыл он и имя с отчеством, – Поганый Язык, – стал его позывным. Вася ежеминутно говорил соседям разные гадости, но тут же кланялся и начинал хлестать себя ладонями по щекам, – «злой, злой, поганый!», – причитал Васенька, – вымаливая у надзирателей одиночную камеру.

– *Может тебя в бронированную заключить?* – хохотал над Нахраповым начальник караула.

– *В бронированную не нужно, мне б в одиночную, вашу мать – извините,* – отвечал Васенька на одном дыхании.

Но в любой заразе есть свой талант, – как говаривал в прошлом, начальник треста. И, как ни странно, прав оказался Наобин, – открыл и Вася свой талант.

– *Поганый Язык, запусти анекдот!* – просили его соседи по нарам.

Нахрапов сперва-то стеснялся, ну а после втянулся, – правду говорят, не всякому дано анекдоты рассказывать. А над его историями начинали смеяться уже заранее...

– *Собрал как-то царь зверей вес лес, ну и говорит, – «сегодня мы съедем самого трусливого»!* Тут заяц из кустов выскакивает и орет, – *«падлы, кабана в обиду не дам!».*

Так проходили месяц за неделей, и Вася втянулся. Тут он был дома, а до чего его язык может довести с другой стороны забора, Василий Адамыч и думать боялся...

Из сборника «Паранормальное рядом»